

ОСНОВЫ ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЫ БОСПОРСКОГО ГОРОДА ТИРИТАКА В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ

Виктор Николаевич Зинько¹, Алексей Викторович Зинько²

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия,

¹ *zinko@bfdemetra.org, <https://orcid.org/0000-0001-6208-7293>*

² *a.zinko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6017-4449>*

Аннотация. В статье анализируются результаты археологических исследований, позволившие утверждать, что в основе планировки боспорского города Тиритаки во второй половине III – VI в. была городская усадьба, состоящая из жилого дома и расположенных во дворе хозяйственных комплексов. Размеры тиритакских усадеб были сравнительно невелики – от 150 до 300 м². Усадьбы блокировались в кварталы и занимали всю городскую территорию общей площадью до 10 га, ограниченную крепостными стенами, капитально перестроенными еще в I в. В центральной и западной частях город имел террасную планировку. Исследовано две такие террасы (раскопы V–VI, XV и XXVI), по каждой из которых проходили продольные улицы различной ширины. Следует предполагать, по крайней мере, наличие еще одной продольной улицы в восточной части города, проходившей вдоль западного фасада христианской базилики, относящейся к постройкам III горизонта. Наличие поперечных улиц (переулков) в центральной части выявить пока не удалось, однако они отмечены у северной крепостной стены на раскопах XXII и XXVIII. В целом боспорский город Тиритака в ранневизантийское время сохранил, по крайней мере для IV и III хронологических горизонтов, сложившуюся в предшествующие эпохи городскую планировку с элементами регулярной ортогональной квартальной структуры, которая после набега 576 г. пришла в упадок, и лишь на некоторых участках городища были восстановлены отдельные усадьбы, просуществовавшие до третьей четверти VII века.

Ключевые слова: боспорский город Тиритака, ранневизантийское время, строительные комплексы, планировка

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

THE PRINCIPLES OF THE PLANNING STRUCTURE OF THE BOSPORAN CITY OF TYRITAKE IN THE EARLY BYZANTINE PERIOD

Viktor N. Zin'ko¹, Alexey V. Zin'ko²

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia,

¹ *zinko@bfdemetra.org, <https://orcid.org/0000-0001-6208-7293>*

² *a.zinko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6017-4449>*

Abstract. This paper analyses the results of archaeological investigations which allow us to state that the planning structure of the Bosporan city of Tyrityake from the second half of the third to sixth

century was based on an urban house comprising a living structure and economic complexes in the courtyard. The Tyritake houses were relatively small measuring 150 to 300 m². The houses grouped to form quarters and occupied the whole urban area totally covering up to 10 hectares, which was encircled with fortification walls, majorly reconstructed in the first century. In the central and western areas, the city had terrace planning structure. We have investigated two terraces of the kind (excavation trenches V–VI, XV, and XXVI), each with longitudinal streets of different width. It should be supposed that there was at least one more longitudinal street in the eastern city area, which went along the western façade of the Christian basilica, the structure from building horizon III. Although no transverse street (lane) has been discovered so far in the central area, they have been documented at the northern defensive wall, at excavation trenches XXII and XXVIII. Generally, in the Byzantine period, the Bosporan city of Tyritake kept, at least at chronological horizons IV and III, the planning structure that developed in the previous period, featuring the elements of regular orthogonal quarter system; following the raid of 576, this system declined, and a few isolated houses were restored at some areas to exist there as long as the third quarter of the seventh century.

Keywords: Bosporan city of Tyritake, Early Byzantine period, building assemblages, planning structure

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of the state assignment No. FZEG-2020-0029 supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Город Тиритака расположен в южной части европейского побережья Боспора Киммерийского (современный Керченский пролив) на северном берегу древнего морского залива, в 11 км к югу от столицы Боспорского царства. Городская территория имеет форму неправильного прямоугольника и находится на довольно высокой, обрывистой со стороны моря, прибрежной террасе, которая плавно понижается к югу и юго-западу (рис. 1). С южной и западной, степной стороны территория города прикрывалась речкой, впадавшей в морской залив, а с севера была отрезана от остальной прибрежной террасы глубокими оврагами. Общая площадь окруженной крепостными стенами городской территории составляла около 10 га (где-то 500x200 м), и застраивалась она в несколько этапов. На основании археологических исследований, которые проведены на 29 участках общей площадью более 12 тыс. м², можно реконструировать основы планировочной структуры этого древнего города.

Ранневизантийские постройки занимали всю городскую территорию, ограниченную ветхими крепостными стенами, капитально перестроенными еще в I в. н. э. На основании раскопок, проведенных в 30-50-х гг. XX в. возле крепостных стен Тиритаки, были исследованы различные постройки римского и ранневизантийского времени [2; 3; 13; 14]. По мнению В. Ф. Гайдукевича, Тиритака в это время представляет собою «совершенно оригинальный тип боспорского города, значительная часть территории которого была занята производственно-хозяйственными постройками» [1, с. 173]. С севера на юг проходила лишь одна основная уличная магистраль, по обеим сторонам которой располагались жилые дома, принадлежащие тиритакским рыбопромышленникам и виноделам. Вся остальная площадь города была занята, главным образом, производственными постройками [1, с. 378]. Этот вывод

В. Ф. Гайдукевич сделал на основании исследований, проведенных на участках V–VI и XV, где были открыты расположенные на двух террасах городские усадьбы, расположенные по обе стороны широкой улицы. Эта городская магистраль, вымощенная «черепками и мелким щебнем», проходила с юга на север и была шириной 4,8–5,3 м [2, с. 34–35].

В последние десятилетия слои второй половины III – третьей четверти VII в. впервые были исследованы и в центральной части (раскоп XXVI) верхнего города (рис. 2). Результаты позволили сделать вывод о более сложной планировке Тиритаки, чем предполагал в свое время В. Ф. Гайдукевич. Как было нами установлено в результате археологических исследований, в I в. н. э. одновременно с укреплением старых крепостных стен город подвергся капитальной перестройке, однако при этом сохраняются основные градостроительные оси, установленные еще в последней трети VI в. до н. э. Поэтому большинство комплексов, открытых в ранневизантийских горизонтах, и стратиграфически связанные с ними строительные и хозяйственные постройки, отражающие период существования Тиритаки в пределах второй половины III – третьей четверти VII в., были возведены еще в первые века н. э.

Прослежены комплексы IV горизонта (вторая половина III – первая половина V в.) практически по всей площади центрального раскопа XXVI, но они имеют различную степень сохранности. Уверенно удалось реконструировать только общие принципы застройки в этот период, в то время как планировка и функциональное назначение для части комплексов может быть восстановлена с той или иной степенью вероятности. В зависимости от расположения их можно условно разделить на две группы. В первую группу объединены комплексы центральной и восточной частей раскопа, располагавшиеся в пределах верхней террасы. Во вторую – комплексы западной части раскопа, находившиеся, соответственно, в пределах нижней террасы, ограниченной на исследованном участке с востока подпорной стеной. Разделяются они и по хронологическому принципу, поскольку только небольшая часть выявленных в пределах раскопа XXVI комплексов IV горизонта была возведена во второй половине III в. Остальные в это время, в лучшем случае, были только перестроены, а функционировали, соответственно, с первых веков н. э.

Раскопанные на участке XXVI постройки различного назначения располагались на двух разноуровневых террасах, ориентированных по линии СВ–ЮЗ (рис. 3). Верхнюю террасу с северо-запада ограничивала стена шириной 0,8–1,0 м, а с юго-востока примыкает улица шириной до 2 м (рис. 4), вымощенная обломками амфорной тары I–III вв. Эта I-я продольная (керамическая) улица функционировала довольно долго. На это указывает два уровня керамической мостовой, а также материалы из развала, перекрывшего улицу, датированные не ранее третьей четверти VI в.

Судя по всему, градостроительной доминантой в центральной части верхнего города являлось большое отдельно стоящее здание (СК-I) площадью около 72 м², расположенное на верхней террасе. Это была культовая постройка [4; 11], которая первоначально представляла собой однокамерное прямоугольное здание, вытяну-

тое в направлении СВ–ЮЗ (рис. 5). Размеры постройки, по внешнему обводу, в направлении СВ–ЮЗ составляют не менее 14,6 м, а в направлении СЗ–ЮВ – 7,0 м. Внутренние размеры в направлении СВ–ЮЗ составляют 12,5 м, а в направлении СЗ–ЮВ – 5,7 м. Кладки стен, шириной от 0,6 до 1,0 м, местами сохранились на высоту 3–5 рядов камней, в юго-западной торцовой стене находился дверной проем шириной 1,5 м. Возведенное в I–II вв. н. э., на рубеже III–IV вв. святилище перестраивается, и его внутренний объем делится на два помещения. В глубине дальнего от входа помещения II, вдоль задней стены святилища сохранились фрагменты двух алтарей в виде прямоугольных каменных загоронок из поставленных на ребро плоских известняковых камней.

Это святилище было заброшено не позднее середины V в. Северо-восточная часть здания (помещение II с алтарями) разбирается, а юго-восточное помещение I перестраивается и функционирует еще до середины VI в. К сожалению, неоднократные перестройки и нивелировки полов уничтожили большую часть его сакральной атрибутики, поэтому определить с кругом божеств, которых в нем почитали, не удалось. Тем не менее, выброшенные из святилища отдельные предметы, прежде всего мелкие votivные подношения, все же уцелели. К их числу, вероятно, относятся семь фрагментов терракотовых статуэток и один обломок терракотовой маски, компактно обнаруженные к востоку от святилища во дворе в слое, перекрывшем постройки V горизонта. К востоку от святилища располагался обширный двор площадью не менее 150 м².

В целом, продолжавший функционировать во второй половине III – середине V в. сакральный комплекс занимал площадь около 300 м², состоял из большой одноэтажной постройки – здания святилища и Г-образного мощеного двора, на котором находились отдельные подсобные постройки (помещение для приготовления пищи, латрина), а также хозяйственные ямы и вкопанный пифос. Вдоль восточной продольной стены святилища располагалась крытая галерея шириной до двух метров. Вход на территорию комплекса, вероятно, вел непосредственно с улицы и располагался к юго-западу от здания святилища. Судя по найденным во дворе семи фрагментам терракот, первоначально в святилище могли поклоняться синкретическим хтоническим божествам. На последнем этапе функционирования святилища это также могли быть божества хтонического пантеона, выполнявших охранные функции, а также «дионисийские» персонажи. При этом сохранялась долговременная преемственность всех этих традиций, несмотря на различные потрясения и перемены. Все это, конечно же, было обусловлено общеисторической и этно-демографической ситуацией на Боспоре. Особо следует отметить, что тиритакское святилище забрасывается во второй половине V в., когда в припортовой части города возводится трехнефная христианская базилика, внутреннее пространство которой было лишь немногим более, чем недавно оставленное языческое святилище в верхнем городе [12, с. 384].

Завершая обзор объектов, исследованных в восточной части раскопа XXVI и относящихся к IV строительному горизонту, можно констатировать, что располо-

женные на данной территории жилые и хозяйственные постройки двух или трех городских усадеб во второй половине III в. пришли в упадок. Винодельня СК-V/ЦВ-I и рыбозасолочная цистерна ЦР-I перестали функционировать. Лишь отдельные помещения этих усадеб сохранились фрагментарно, но из-за плохой сохранности реконструировать планировку и размеры всей застройки этого участка не удалось.

Среди строительных комплексов IV строительного горизонта, расположенных в западной части раскопа XXVI, достаточно хорошо сохранилась большая городская усадьба – жилищно-хозяйственный комплекс I (ЖХК-I), площадь которого составляла не менее 225 м², состоящий из нескольких помещений, двух комплексов цистерн и хозяйственного двора (рис. 6). Расположена она в пределах нижней террасы, ограниченной с северо-востока вымостками XXXIV и XXXV, а с юго-востока подпорными стенками. Южную границу комплекса надежно проследить не удалось. Большая часть выявленных в его пределах построек и хозяйственных сооружений была возведена не позднее II в. и функционировала до середины III в. Некоторые же после реконструкции продолжали использоваться до второй половины V в. Организация внутреннего пространства ЖХК-I на уровне IV горизонта представляется следующим образом. В восточной части усадьбы располагались три рыбозасолочных цистерны (ЦР-III-3), пристроенные с запада к подпорной стене террасы. Но в рассматриваемый нами ранневизантийский период использовалась уже только одна – юго-западная цистерна. С запада усадьбу ограничивали две, соединенные стеной, постройки – СК-XI и СК-XII, между которыми был установлен пифос 4. С востока к СК-XI примыкали четыре смежных неглубоких цистерны (ЦВ-II). Пространство между СК-XII и ЦР-II занимал открытый двор.

Этот наиболее крупный и хорошо сохранившийся в пределах раскопа XXVI жилищно-хозяйственный комплекс функционировал, как и многие другие городские усадьбы, на протяжении длительного периода. Его нижняя хронологическая граница приходится на первые века, а верхняя не выходит за пределы второй половины V в. В середине III в. он подвергся сильному разрушению, но позднее усадьба ЖХК-I была восстановлена, при этом перепланирована и реорганизована. Соответственно, если на первом этапе здесь в основном занимались засолкой рыбы и изготовлением гарума, то на втором – объем ее переработки был значительно сокращен [6]. Из трех рыбозасолочных цистерн объемом 75 м³ функционировала уже только одна – объемом 20 м³, и в дальнейшем хозяйство было переориентировано на кожевенное производство [5].

К западу от усадьбы ЖХК-I находилась еще одна городская усадьба, от которой была исследована незначительная часть. Это, в первую очередь, хозяйственный двор, получивший наименование «двор с пифосами» (рис. 7). С юго-востока к нему примыкал СК-XI, с юго-запада – помещение II СК-XII. Поскольку хозяйственный двор с пифосами исследован частично, а попавшие в пределы раскопа помещения сохранились фрагментарно, реконструировать планировку и размеры всей этой «западной» городской усадьбы не представляется возможным. Какая-то постройка находилась к югу от усадьбы ЖХК-I, где в квадратах 1–2 исследованы неболь-

шие фрагменты стен, а также каменная вымостка XXX. К северу от верхнего двора усадьбы ЖКХ-I находилась другая городская усадьба – «северная», от которой были исследованы фрагменты постройки и две хозяйственные ямы, расположенные на хозяйственном дворе. С северо-востока к хозяйственному двору примыкала постройка СК-XX. К сожалению, на уровне IV горизонта она сохранилась очень плохо и попала в пределы раскопа только своей южной частью, поэтому реконструировать ее планировку и размеры не удалось. Уцелевшие фрагменты стен позволяют лишь предположить, что на данном этапе она могла состоять из трех помещений.

В целом, к западу от I-й продольной (керамической) улицы, мощеной фрагментами битой керамики и пересекающей исследованный участок верхнего города с северо-востока на юго-запад, располагался квартал из нескольких городских усадеб, из которых лишь одна – ЖКХ-I может быть реконструирована для IV строительного горизонта с той или иной степенью достоверности. Все эти усадьбы должны были иметь вход со стороны I-й продольной (керамической) улицы. В открытую к западу от усадьбы ЖКХ-I «западную» усадьбу уже нельзя было попасть с этой, расположенной с востока, улицы. Поэтому следует надеяться, что с западной стороны «западной» усадьбы в будущем может быть исследована еще одна продольная улица. Возможно, это будет продолжение широкой улицы, исследованной В. Ф. Гайдукевичем в юго-западной части города.

Центральную часть раскопанного участка XXVI во второй половине III – середине V в. занимал, как уже отмечалось выше, сакральный комплекс площадью около 300 м². Восточнее святилища располагалась территория, на которой к середине III в. находились несколько городских усадеб. Но во второй половине III в. они пришли в упадок. Лишь отдельные помещения этих усадеб сохранились фрагментарно, из-за плохой сохранности реконструировать планировку и размеры всей застройки этого участка не удалось. Хотя, судя по наличию большого количества хозяйственных ям и очагов, датируемых второй половиной III – первой половиной V в., эта городская территория ранневизантийской Тиритаки довольно активно использовалась.

Постройки и хозяйственные комплексы, относящиеся к III горизонту и датируемые в пределах второй половины V – третьей четверти VI в., прослежены практически по всей площади раскопа (рис. 8). Сохранность этих комплексов позволяет реконструировать общие принципы застройки центрального участка Тиритаки, но при этом планировка и функциональное назначение большинства построек из-за значительных утрат восстанавливается лишь с большей или меньшей степенью достоверности. В этот период сохраняется все та же террасная планировка в центральной части города. Террасы разделяла подпорная стена, вдоль которой проходила I-я продольная (керамическая) улица, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Улица перестала функционировать не ранее третьей четверти VI в., на это указывают датировки материалов из развала, перекрывшего улицу.

С востока к I-й продольной (керамической) улице примыкал сакральный участок со святилищем, которое во второй половине V в. было перестроено и на его

месте разместился строительный комплекс, выделенный нами в СК-I III горизонта. Он представлял собой большую квадратную постройку (ранее это было помещение I языческого святилища), в пределах которой были сооружено еще одно помещение, очаги и хозяйственные ямы (рис. 8). С северо-запада здание СК-I примыкало к городской улице. Уцелевший участок северо-западной стены СК-I (кладка 1) прослежен на длину до 6,48 м. В северо-восточной оконечности кладки 1 прослежен дверной проем, соединявший СК-I с улицей. С юга он был ограничен массивной и хорошо обработанной плитой размерами 0,8x0,2x0,5 м, установленной на продольное ребро поперек стены. Впоследствии дверной проем был заложен мощными и хорошо обработанными прямоугольными плитами.

С юго-востока здание СК-I было ограничено каменной вымосткой IV, а с юго-запада – каменной вымосткой II. В северо-восточной части СК-I располагалось помещение, образованное кладками 4–6, внутри которого находились печь-каменка, ларь-закром и хозяйственная яма 12. Остальное внутреннее пространство СК-I (на уровне III горизонта), к югу от помещения с печью-каменкой, представляло собой большую постройку, которая, вероятно, использовалась в каких-то хозяйственных целях. Здесь было исследовано несколько хозяйственных ям, очажные пятна, локальные развалы обожженного камня и сырца, а также связанные с ними округлые в плане золистые пятна. На основании находок, обнаруженных при зачистке СК-I, а также археологического материала, извлеченного из заполнения хозяйственных ям, время функционирования здания можно обозначить в пределах конца V – третьей четверти VI в.

С юго-запада и юго-востока постройки СК-I окружал мощный каменными плитами (вымостки III и IV, обустроенные водостоками) большой двор. На некоторых участках двора вымостка была разобрана, а наиболее обширная выборка связана с устройством котлована, датируемого не ранее последней четверти VI в. В юго-западной части вымостки выявлен водосток, протяженностью 6,4 м и глубиной до 0,25 м, ориентированный в направлении ЮЗ–СВ. Общая площадь вымощенного каменными плитами двора, по внешнему периметру которого был уложен каменный водосток, была более 200 м². Какой-либо внешней ограды этой вымощенной камнем территории выявить не удалось. Этот двор, или скорее небольшая городская площадь, окружал с трех сторон двухкамерную постройку СК-I общей площадью не менее 40–45 м², внутри которой находилось небольшое жилое помещение с печкой-каменкой. Судя по нестандартной планировке, эта «центральная» усадьба III горизонта, вероятно, могла выполнять какие-то общественные функции в городской жизни ранневизантийской Тиритаки.

Все исследованные в восточной части раскопа XXVI археологические комплексы III горизонта представляют собой жилищно-хозяйственные постройки с хозяйственными дворами, как минимум от двух городских усадеб. Одна из них располагалась в северо-восточной части, а другая – в юго-западной. Однако планировка этих усадеб и их размеры на основании исследованных строительных остатков может быть реконструирована лишь частично. Так, постройка СК-VIII представля-

ет собой прямоугольную в плане двухкамерную постройку, вытянутую в направлении СВ–ЮЗ. Поскольку ее юго-западная часть оказалась за пределами раскопа, а стены исследованной северо-восточной части сохранились частично, внешние и внутренние размеры постройки реконструируются не полностью. Внутренние размеры северо-восточного помещения 1 составляли 4,6х2,4 м, а для юго-западного помещения 2 размеры удалось определить только в направлении СЗ–ЮВ – 2,4 м, а в направлении СВ–ЮЗ они превышали 3,3 м. В помещении 2 СК-VIII были исследованы печь и каменный ларь-закром. В северной части помещения 1 была обнаружена частично разрушенная хозяйственная яма 87. Из заполнения происходит девять фрагментированных амфор и немногочисленные фрагменты столовой и лепной керамики. Судя по находкам, хозяйственную яму, которая представляет собой небольшой винный склад, можно датировать второй четвертью VI в. Общий объем хранимого вина составлял около 147,5 л. Такое небольшое количество вряд ли предназначалось для продажи, а хранилось для личного употребления одной семьей. Помимо хозяйственной ямы 87, других хозяйственно-бытовых сооружений в помещении 1 обнаружено не было. Таким образом, есть все основания полагать, что северо-восточное помещение 1 СК-VIII предназначалось для хозяйственных нужд и, вероятно, являлось кладовой для хранения съестных продуктов и вина, в то время как юго-западное помещение 2 было жилым [10].

С северо-востока к СК-VIII примыкал частично мощеный камнем двор, в пределах которого, на участке квадратов 17–20, 30, 36, были выявлены хозяйственные ямы, закопанные пифос и амфора, загородка и очаги. В западной части двора были обнаружены небольшая каменная загородка и пифос 3, вкопанный на три четверти своей высоты. На горле пифоса, еще до обжига, было нанесено однострочное граффити – христианский крест и слово греческими буквами «ΦΙΛΕ». Находки из СК-VIII, а также стратиграфическая ситуация на прилегающем к нему участке городища, позволяют датировать его разрушение третьей четвертью VI в. Возведен же этот комплекс был не ранее второй половины V в. [7].

В отличие от археологических комплексов III горизонта, выявленных в центральной и восточной частях раскопа, комплексы этого горизонта в западной части сохранились гораздо хуже. При этом практически все они располагались в пределах квадратов 1–4, где были обнаружены обрывок отдельной кладки 36, нижняя часть пифоса 5, фрагменты каменных вымосток X, XI, XVII, фрагмент цемяночной площадки и два очага. Учитывая их взаимное расположение, можно предположить, что все они входили в состав одной городской усадьбы и, возможно, располагались в пределах ее хозяйственного двора. Вероятно, вход в эту «юго-западную» усадьбу второй половины V – третьей четверти VI в. располагался с юго-восточной стороны и вел непосредственно на I-ю продольную (керамическую) улицу. В юго-западной части этой усадьбы на площади 80–100 м² располагался вымощенный камнем хозяйственный двор. В северной части двора находилась небольшая винодельня, а в южной – небольшая сырцово-каменная постройка с двумя очагами 22 и 23. К

северо-западу от хозяйственного двора, вероятно, располагались какие-то жилые постройки, от которых сохранился большой развал камней, связанный с выборкой камня в позднейшие эпохи. Предположительно, площадь этой «юго-западной» усадьбы западной части раскопа составляла около 250 м².

Археологические комплексы III горизонта были прослежены и в северо-западной части раскопа (рис. 8). Здесь раскопана южная часть еще одной постройки – СК-XX, примыкавшей с северо-запада к вымостке II (рис. 8). Его нижняя хронологическая граница приходится, вероятно, на первые века н. э., а верхняя не выходит за пределы третьей четверти VI в. В процессе функционирования СК-XX, как минимум, дважды подвергся перепланировке. Поскольку СК-XX попал в пределы раскопа только южной своей частью и сохранился очень плохо, его размеры и планировку реконструировать не удалось. На данный момент можно лишь предполагать, что на заключительном этапе функционирования (СК-XX III горизонта) он представлял собой двухкамерную постройку, ориентированную по длинной оси в направлении СЗ–ЮВ. Помещение I, вероятно, служило для приготовления пищи, а помещение II являлось кладовой. Учитывая достаточно большую ширину каменного цоколя стен СК-XX, следует предположить, что постройка была двухэтажной, на втором этаже могли находиться одна или две жилых комнаты. К западу и югу от этого двухэтажного дома располагался хозяйственный двор, на котором была обнаружена хозяйственная яма 25, а также остатки какой-то постройки или ограды двора. Таким образом, эта «северная» городская усадьба занимала весь северо-западный угол исследованного центрального участка Тиритаки и, вероятно, имела выход на I-ю продольную улицу или на перекресток этой улицы с поперечным переулком.

В целом, завершая обзор археологических комплексов III горизонта, следует отметить, что сравнительно хорошо они сохранились в северной, центральной и восточной частях раскопа, где были исследованы несколько жилых и хозяйственных построек и связанных с ними хозяйственных дворов. На этом же уровне была прослежена одна из городских улиц – I-я продольная (керамическая) улица. К западу от этой улицы находились три городские усадьбы, а к востоку от нее какое-то двухкамерное здание, окруженное П-образной площадью, мощеной каменными плитами и с водостоками. К востоку от этой каменной площади находились две городские усадьбы с хозяйственными дворами и жилищно-хозяйственными постройками. К сожалению, в полном объеме застройку этого периода реконструировать не удалось. Напомним, что в качестве нижней хронологической границы для этого периода определена вторая половина V в., когда одновременно перестали функционировать и были заброшены комплексы IV горизонта, а в качестве верхней границы – третья четверть VI в. При этом более надежно археологическим материалом коррелируется только верхняя дата, которая, к тому же, согласуется с данными письменных источников, в которых содержатся сведения о вторжении в 576 г. на Боспор племен тюркютов и утигуров. Таким образом, вполне возможно, что именно эти события послужили толчком к тому, что жизнь в боспорском городе Тиритака прервалась в очередной раз.

Строительные комплексы II горизонта – финальный этап существования городища Тиритака в ранневизантийское время. Датируются они в пределах последней четверти VI – третьей четверти VII в. и прослежены, преимущественно, в северной (северо-западной) и восточной частях раскопа XXVI, наименее пострадавших при строительстве на территории городища Тиритака в 30-е гг. XX в. В северо-западной части раскопа XXVI комплексы II горизонта были исследованы к северо-западу от I-й продольной (керамической) улицы. Здесь было выявлено несколько плохо сохранившихся комплексов – развал амфор, остатки каменного цоколя ограды усадьбы, цемяночная площадка с желобом, каменная загородка с очагом 37 и хозяйственная яма. Учитывая их плохую сохранность, установить какую-либо структурную взаимосвязь между ними не удалось. В северо-западном углу квадрата 37 был расчищен развал ранневизантийских амфор, в основном светлоглиняных амфор типа «Carotte», датирующихся VI–VII вв. В квадратах 32 и 37–38 были расчищены фрагменты двух кладок, расположенных по отношению друг к другу под прямым углом. Нельзя исключать, что это остатки одной постройки, а именно ее северо-западной и юго-западной стены. К сожалению, других остатков этого сооружения, в том числе и пола, обнаружить не удалось. В северо-восточном углу квадрата 33 был зачищен фрагмент цемяночной площадки, уходящей в северный борт раскопа. Плохая сохранность не позволяет окончательно определить ее функциональное назначение, но, скорее всего, она представляла собой давяльную площадку винодельни. Рядом с цемяночной площадкой обнаружены каменная загородка и очаг 37, а к востоку от загородки прослежена хозяйственная яма.

Археологические комплексы II горизонта были обнаружены лишь на некоторых участках центрального раскопа XXVI. Они сохранились очень фрагментарно, поэтому реконструировать застройку на этом участке, впрочем, как и открытые комплексы, также не удалось. Все выявленные в северо-западной части раскопа XXVI комплексы II горизонта, вероятно, можно объединить в одну «северо-западную» усадьбу. Она примыкала с северо-запада к I-й продольной (керамической) улице и здесь же, вероятно, находился вход в усадьбу. В северо-восточной части этой «северо-западной» усадьбы находилась какая-то сырцово-каменная постройка (план ее не восстанавливается), к которой с юго-запада и северо-запада примыкал хозяйственный двор. Во дворе исследованы остатки давяльной площадки винодельни, хозяйственные ямы и очаг. Частично сохранились и небольшие два фрагмента ограды усадьбы. Площадь «северо-западной» усадьбы II горизонта могла составлять не менее 200–250 м².

От застройки II горизонта в западной части раскопа уцелела только каменная вымостка I, сохранившаяся в виде четырех небольших участков. В целом, все сохранившиеся участки вымостки I ориентированы в направлении ССВ–ЮЮЗ и прослежены на протяжении 8,0 м. К сожалению, отсутствие каких-либо других расположенных поблизости и одновременных вымостке строительных комплексов не позволяет определить ее место в городской застройке к северо-западу от I-й продольной (керамиче-

ской) улицы. Можно лишь предположить, что эта каменная вымостка могла располагаться во дворе какой-то городской усадьбы. Таким образом, к северо-западу от I-й продольной (керамической) улицы могли располагаться как минимум две городские усадьбы, относящиеся к последнему этапу жизни ранневизантийской Тиритаки.

В северной части центрального участка раскопа XXVI к археологическим комплексам II горизонта относится фрагментарно сохранившийся строительный комплекс, в состав которого входили помещение СК-XI с хозяйственной ямой II и хозяйственный двор с каменной вымосткой VI, на котором исследованы хозяйственные ямы с пифосом и амфорой. СК-XI реконструируется как прямоугольная в плане постройка с внешними размерами не менее 4,4x3,6 м. Пол помещения прослежен в виде тонкой прослойки нивелированного плотного суглинка с включением золистых частиц. В юго-восточном углу помещения СК-XI была устроена хозяйственная яма II, глубиной 1,65 м. В этой яме помимо фрагментов керамики находился и уникальный комплекс находок, обнаруженный в виде бесформенной и слипшейся массы, покрытой окислами железа и меди. В процессе очистки их удалось разделить на отдельные предметы – фрагменты железных ножей, наконечник железной стрелы, бронзовый браслет, два бронзовых рыболовных крючка, два кремня и разнообразные детали поясного набора. Судя по составу находок, обнаруженная в заполнении ямы монолитная масса представляла собой остатки перегнивших, коррозированных и окислившихся изделий из железа, меди и кожи, вероятнее всего, свернутых ремней, украшенных поясной гарнитурой и подвешенными на них ножами. На основании этих находок засыпь хозяйственной ямы II можно отнести ко второй половине VII в. Комплекс находок из нее определяет и время прекращения функционирования СК-XI.

С юго-востока к СК-XI примыкал хозяйственный двор, частично вымощенный известняковыми плитами (вымостка VI). На его территории были устроены хранилища для зерна или рыбы, в качестве которых использовались пифос и крупная амфора, установленные в ямы. Таким образом, «северная» усадьба II горизонта занимала северную часть двора более ранней «центральной» усадьбы III горизонта и состояла из сырцово-каменной постройки, а также двора, на котором находились хозяйственные ямы и какие-то еще небольшие постройки. Вход в «северную» усадьбу, вероятно, располагался с северо-запада и вел прямо с I-й продольной (керамической) улицы. Площадь «северной» усадьбы II горизонта могла составлять около 150–200 м².

В центральной части раскопа каких-либо сооружений выявлено не было, кроме котлована аморфной в плане формы, ориентированного по длинной оси в направлении СВ–ЮЗ. К сожалению, установить, с какой целью был вырыт котлован, не удалось, поскольку в нем не было обнаружено каких-либо устройств, которые бы указывали на его жилое или хозяйственное назначение. Можно предположить, что на завершающем этапе жизни ранневизантийской Тиритаки эта часть территории города не использовалась.

В восточной части центрального раскопа XXVI к комплексам II горизонта относятся: вымостка XX, две каменные загородки и очаг 36, располагавшиеся, судя по всему,

внутри двора одного из жилищно-хозяйственных комплексов. К сожалению, остатков построек, связанных с этим хозяйственным двором, обнаружено не было, а немногие, к тому же плохо сохранившиеся в его пределах, комплексы не позволяют установить размеры и структуру двора. Впрочем, такая же ситуация характерна для комплексов II горизонта и на других участках раскопа, поэтому реконструировать городскую застройку для этого периода не удалось. В заключение необходимо отметить, что уровень дневной поверхности, соответствующий периоду функционирования построек II горизонта, был зафиксирован гораздо выше уровня дневной поверхности вокруг построек III горизонта, которые были разрушены не позднее третьей четверти VI в. Более того, застройка на этом участке городища была восстановлена не сразу, а какое-то время спустя. Поэтому вокруг разрушенных построек III горизонта уже успел сформироваться новый слой, под которым оказались скрытыми не только их полы, но и часть стен на высоту до нескольких рядов кладки. В отдельных случаях постройки III горизонта оказались скрытыми этим слоем разрушения целиком. В целом же, с учетом всего комплекса находок, заключительный этап функционирования городища можно датировать между последней четвертью VI – третьей четвертью VII в.

В результате археологических исследований нами установлено, что в основе планировки Тиритаки во второй половине III – VI в., как и в предшествующие эпохи, была городская усадьба, состоящая из жилого дома и расположенных во дворе хозяйственных комплексов. Размеры тиритакских усадеб были сравнительно невелики – от 150 до 300 м². Все это свидетельствует о том, что здесь проживало достаточно однородное городское население, сравнительно невысокого достатка. Жилищно-хозяйственные постройки блокировались в кварталы и занимали всю городскую территорию общей площадью до 10 га (рис. 9), ограниченную крепостными стенами, капитально перестроенными еще в I в. н. э. В центральной и западной частях город имел террасную планировку. Исследовано две такие террасы (раскопы V–VI, XV и XXVI), по каждой из которых проходили продольные улицы различной ширины (рис. 9). Следует предполагать наличие, по крайней мере, еще одной продольной улицы в восточной части города, проходившей вдоль западного фасада христианской базилики, относящейся к постройкам III горизонта (рис. 9). Наличие поперечных улиц (переулков) в центральной части выявить пока не удалось, однако они отмечены у северной крепостной стены на раскопе XXII [8, с. 304, рис. 2] и на раскопе XXVIII [9, с. 51]. В целом, боспорский город Тиритака в ранневизантийское время сохранил, по крайней мере для IV и III хронологических горизонтов, сложившуюся в предшествующие эпохи городскую планировку с элементами регулярной ортогональной квартальной структуры, которая после набега 576 г. пришла в упадок и лишь на отдельных участках городища были восстановлены отдельные усадьбы, просуществовавшие до третьей четверти VII в.

Рис. 1. Городище Тиритака с окрестностями. Фото 2019 г.

Рис. 2. Раскоп XXVI в центральной части Тиритаки. Вид сверху

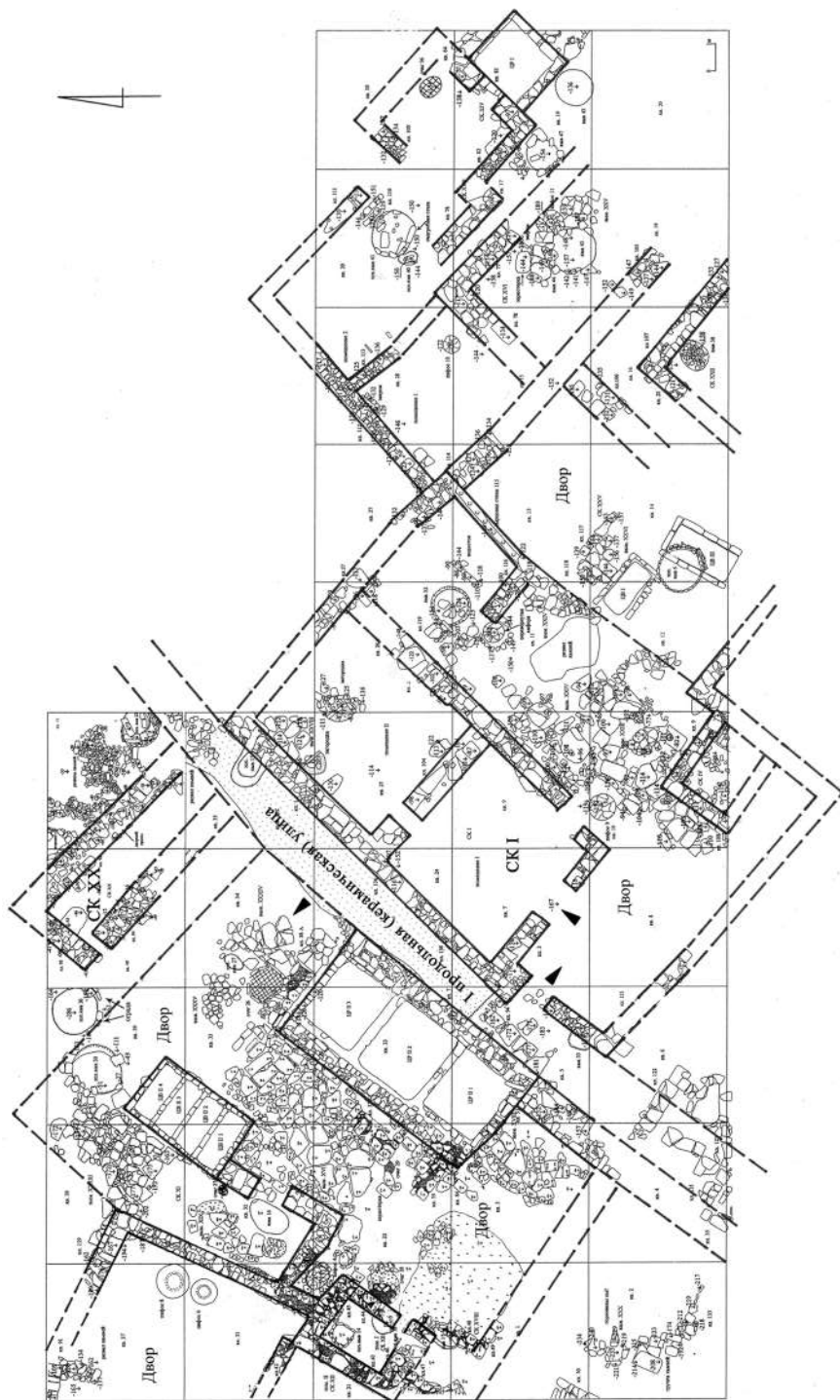

Рис. 3. Реконструкция планов сооружений IV строительного горизонта

Рис. 4. I-я продольная (керамическая) улица в центральной части раскопа. Вид с северо-востока

Рис. 5. Здание святилища (СК-I) в центральной части раскопа XXVI. Вид с юго-востока

Рис. 6. Городская усадьба (ЖХК-I). Вид с севера

Рис. 7. Хозяйственный двор с пифосами. Вид с северо-запада

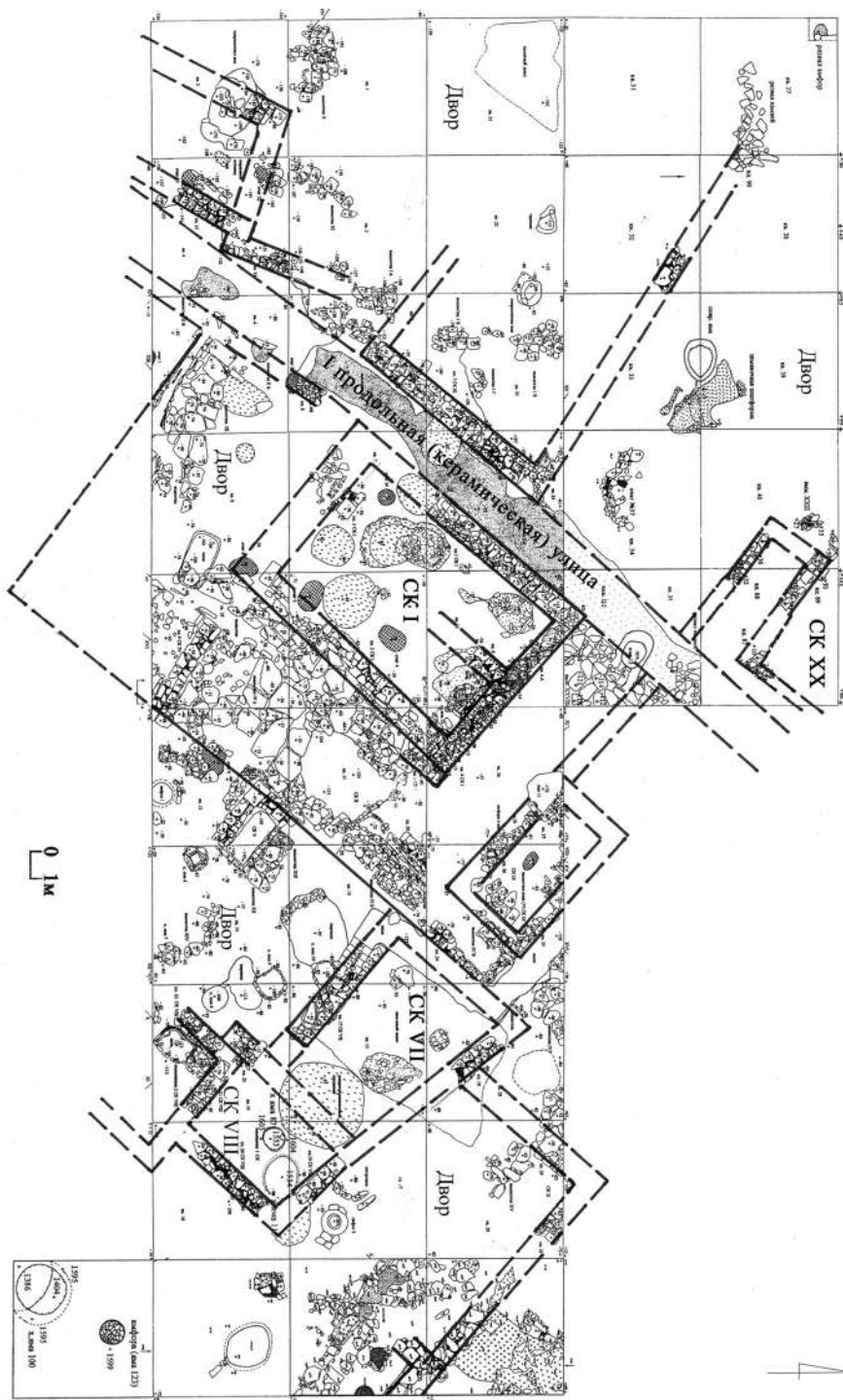

Рис. 8. Реконструкция планов сооружений III строительного горизонта

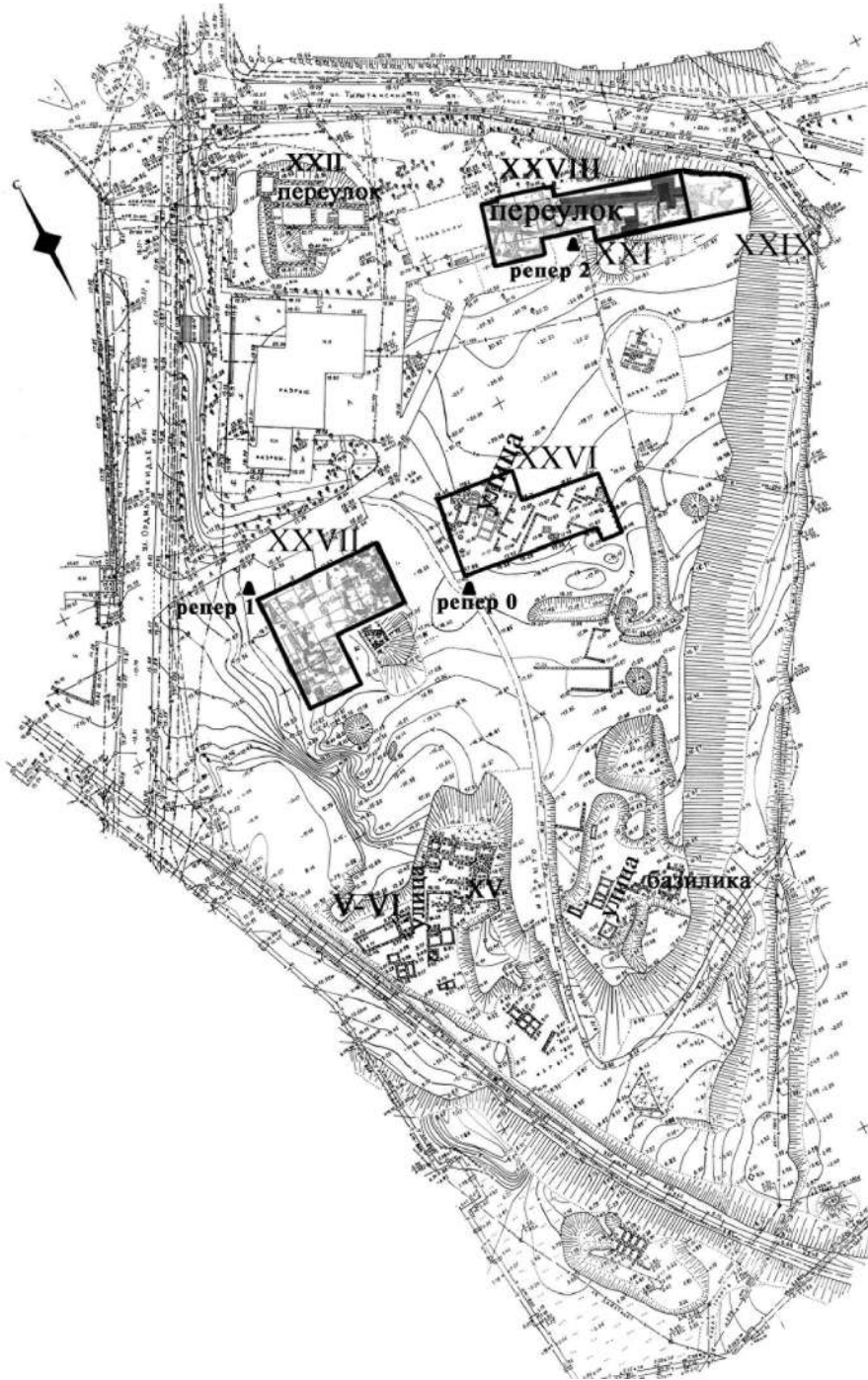

Рис. 9. План Тиритакки с обозначением исследованных участков (раскопов)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 624 с.
2. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 15–134.
3. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // МИА. 1958. № 85. С. 149–218.
4. Зинько А.В. Боспорский город Тиритака в ранневизантийскую эпоху. По материалам раскопок 2002–2005 гг. // ТГЭ. 2008. Т. XLII. Византия в контексте мировой культуры. С. 329–338.
5. Зинько А.В. О кожевенном деле в боспорском городе Тиритака // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010. С. 145–150.
6. Зинько А.В. К вопросу о рыболовном промысле в ранневизантийской Тиритаке // ТГЭ. 2015. Т. LXXIV. Византия в контексте мировой культуры. С. 369–376.
7. Зинько В.Н., Зинько А.В. Тиритака в V–VI вв. н.э. // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 91–102.
8. Зинько В.Н., Зинько А.В. Из истории исследований Тиритаки: раскопки Д.С. Кирилина в 1974 г. // Боспорские исследования. 2018. Вып. XXXVII. С. 302–331.
9. Зинько В.Н., Зинько А.В. Исследование боспорского города Тиритака в 2017 г. // История и археология Крыма. Симферополь, 2018. Вып. VIII. С. 50–52.
10. Зинько В.Н., Зинько А.В. Амфорный склад из раскопок ранневизантийской Тиритаки // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 173–185.
11. Зинько В.Н., Зинько Е.А. Сакральные постройки ранневизантийской Тиритаки // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 120–134
12. Зинько Е.А., Зинько В.Н. Процесс христианизации населения боспорского города Тиритака // ТГЭ. 2015. Т. LXXIV. Византия в контексте мировой культуры. С. 377–388.
13. Книпович Т.Н., Славин Л.М. Раскопки юго-западной части Тиритаки // МИА. 1941. № 4. С. 37–60.
14. Марти В.Ю. Рыбозасолочные ванны Тиритаки // МИА. 1941. № 4. С. 93–95.

REFERENCES

1. Gaidukevich V.F. *Bosporskoe tsarstvo*. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1949, 624 p.
2. Gaidukevich V.F. *Raskopki Tiritaki 1935–1940 gg. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1952. No. 25, pp. 15–134.
3. Gaidukevich V.F. *Raskopki Tiritaki i Mirmekiia v 1946–1952 gg. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1958, No. 85, pp. 149–218.
4. Zin'ko A.V. *Bosporskii gorod Tiritaka v rannevizantiiskuiu epokhu. Po materialam raskopok 2002–2005 gg. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, St-Petersburg*, 2008, T. XLII, pp. 329–338.
5. Zin'ko A.V. *O kozhevennom dele v bosporskom gorode Tiritaka. XI Bosporskii chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Remesla i promysly*. Kerch, 2010, pp. 145–150.
6. Zin'ko A.V. *K voprosu o rybolovnom promysle v rannevizantiiskoi Tiritake. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, St-Petersburg*, 2015, T. LXXIV, pp. 369–376.
7. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. *Tiritaka v V–VI vv. n.e. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, Vol. XIV, pp. S. 91–102.
8. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. *Iz istorii issledovaniia Tiritaki: raskopki D.S. Kirilina v 1974 g. Bosporskii issledovaniia*, Kerch, 2018, Vol. XXXVII, pp. 302–331.
9. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. *Issledovanie bosporskogo goroda Tiritaka v 2017 g. Istoriia i arkheologiia Kryma*, Simferopol, 2018, Vol. VIII, pp. 50–52.
10. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. *Amfornyi sklad iz raskopok rannevizantiiskoi Tiritaki. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2019, Vol. XXIV, pp. 173–185.
11. Zin'ko V.N., Zin'ko E.A. *Sakral'nye postroiки rannevizantiiskoi Tiritaki. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII, pp. 120–134

12. Zin'ko E.A., Zin'ko V.N. Protsess khristianizatsii naseleniia bosporskogo goroda Tiritaka. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, St-Petersburg, 2015, T. LXXIV, pp. 377–388.
13. Knipovich T.N., Slavin L.M. Raskopki iugo-zapadnoi chasti Tiritaki. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1941, No. 4, pp. 37–60.
14. Marti V.Iu. Rybozasolochnye vannы Tiritaki. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1941, No. 4, pp. 93–95.

Информация об авторах

Зинько В. Н. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: ААН-7506-2019.

Зинько А. В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: ААН-7554-2019.

Information about the authors

Zin'ko V. N. – Doctor of Science (History), Leading Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: ААН-7554-2019.

Zin'ko A. V. – Candidate of Science (History), Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: ААН-7506-2019.